

Оригинальная статья/ Original article

Русофобия в контексте социальной стигматизации

© А.В. ТУРКУЛЕЦ, С.Е. ТУРКУЛЕЦ

Туркулец Алексей Владимирович, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (Россия, Хабаровск), tual63@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3647-6305

Туркулец Светлана Евгеньевна, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (Россия, Хабаровск), turswet@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-0983-2375

Со стороны коллективного Запада русофобия в современных условиях превращается в главный идеологический вектор в отношении ко всему русскому и к России в целом. Принадлежность к российской культуре и цивилизации в настоящее время становится основанием для последовательной стигматизации, что деструктивно влияет на западное массовое сознание. Проанализирована русофобия как крайняя форма стигматизации. Впервые такой анализ осуществлен в контексте проблем социальной стигматизации. Утверждается, что русофобия представляет собой разновидность фобии, суть которой состоит в том, что ее носитель боится утратить свою собственную идентичность. Кроме того, именно этот страх инициирует стигматизационные процессы, которые обращаются к «культуре отмены» – или, скорее, отмене богатейшей русской культуры. Анализ причин и факторов распространения русофобии позволяет говорить о ее временном характере.

Ключевые слова: стигма, социальная стигматизация, русская культура, русофобия, дискриминация

Цитирование: Туркулец А.В., Туркулец С.Е. (2023) Русофобия в контексте социальной стигматизации // Общественные науки и современность. № 4. С. 109–122. DOI: 10.31857/S0869049923040068, EDN: OZRRFO.

Russophobia in the Context of Social Stigma

© A. TURKULETC, S. TURKULETS

Aleksey E. Turkuletc, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk), tual63@mail.ru.
ORCID: 0000-0002-3647-6305

Svetlana E. Turkulets, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk), turswet@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-0983-2375

Abstract. On the part of the West russophobia in current conditions is becoming the main ideological vector in relation to everything Russian and to Russia as a whole. Affiliation to Russian culture and civilization nowadays serves as basis for consistent stigmatization, which has a destructive effect on Western mass consciousness. Russophobia as an extreme form of stigmatization is analyzed. For the first time, the analysis of Russophobia was carried out in the context of the problems of social stigmatization. It is argued that Russophobia is a kind of phobia, the essence of which is that its bearer is afraid of losing his own identity. In addition, this fear initiates stigmatization processes that turn to “cancel culture” or, rather, the abolition of the rich Russian culture. Analysis of the causes and factors that determine the spread of Russophobia allows to determine its temporary nature.

Keywords: stigma, social stigmatization, Russian culture, Russophobia, discrimination

Citation: Turkuletc A., Turkulets S. (2023) Russophobia in the Context of Social Stigma. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 109–122. DOI: 10.31857/S0869049923040068, EDN: OZRRFO.

Введение

Для России и россиян 2022 год стал «точкой невозврата». С одной стороны, в европейских и североамериканских государствах формируется крайне недружественное отношение – предпринимается попытка всесторонней изоляции России. С другой, все «русское» запрещают и изгоняют в рамках широких международных взаимодействий. Сложившаяся ситуация демонстрирует не только политическую ангажированность значительной части мирового сообщества, но и отсутствие глубоких традиций тесного социокультурного международного сотрудничества, свободного от политико-экономического обоснования.

Данная статья не посвящена оценке военно-политических решений и действий, связанных со СВО России на Украине – это сфера ответственности высшего руководства государства. Задача исследования – выявить социокультурные причины и условия русофобии в контексте социальной стигматизации, а также определить факторы и дальнейшие тенденции ее существования.

Основные подходы к анализу стигматизации

Стигматизация представляет собой особую форму социального взаимодействия, при которой люди «квалифицируют», «трактуют» действия, поступки, поведение других. Теория социальной стигматизации зародилась в первой половине XX в. в ходе развития социологического учения символического интеракционизма. Его основоположник Дж.Г. Мид рассматривал общественную жизнь как серию интеракций – социальных ситуаций и типичных реакций людей на поведение окружающих. Традиционно основаниями

стигматизации («навешивания ярлыков») выступает поведение человека, выходящее за пределы общепринятого («нормального»): алкоголизм, наркомания, проституция, нетрадиционная сексуальная ориентация, психические отклонения и т.п. Кроме того, часто причиной «клеймения» становятся отдельные дефекты внешности: ожирение, признаки инвалидности, увечья и т.п. Нередко последствия стигматизации становятся судьбоносными для индивида: стигма определяет дальнейшую жизненную стратегию личности, ограничивая возможности нормального развития, претворения в жизнь духовного потенциала, успешной коммуникации с другими субъектами. Соответственно, она становится серьезным препятствием для нормальной социализации индивида. Стигма может оказать определяющее влияние на формирование общественного мнения и оценки конкретной личности либо группы лиц. Для того чтобы изменить сложившееся мнение, необходимо трансформировать устоявшееся в массовом сознании негативное отношение.

Первыми проблемой стигматизации заинтересовались представители психологии и психиатрии. В своей работе «Стигма: заметки по управлению испорченной идентичностью» (1963 г.) американский социолог И. Гофман использует это понятие прежде всего применительно к психически больным. В терминологии И. Гофмана социальная стигма – это некий атрибут, который значительно дискредитирует его обладателя в умах окружающих по сравнению с нормальным человеком [Бовина, Бовин 2013]. Исследуя мир стигматизированных психически больных и их жизнь в пределах тотальных институций, автор пытается распутать ткань социальности. Психиатрический дискурс Гофмана с его вниманием к межличностной интеракции и законам социального взаимодействия имеет самостоятельную ценность в рамках критической теории психиатрии и развития антипсихиатрии. В то же время он выступает органичной частью социологического проекта автора. Именно в психиатрических работах Гофмана представлено неразрывное сплетение интереса к социальному взаимодействию и способности проникать в глубины внутреннего мира человека [Власова 2011].

По мере накопления знаний о процессах стигматизации сформировались самостоятельные направления исследования, среди которых следует отметить следующие.

Социально-психологические исследования определяют стигматизацию как фактор, который препятствует развитию способностей, достижению социального статуса и социальной успешности. Она деформирует возможности построения жизненной стратегии личности как на ближайшую, так и на отдаленную перспективу, а также закрепляет и развывает социальное неравенство.

Социально-криминологические и уголовно-правовые исследования стигматизации обращаются к проблемам ее влияния на формирование девиантной личности и повышение уровня преступности – как в реальности, так и в виртуальном пространстве. В настоящее время такие исследования придают особое значение стигматизационным действиям в отношении молодежи, прежде всего в виртуальной среде. Последние нередко приводят к катастрофическим последствиям для стигматизируемого (вплоть до суицида).

Социальная медицина – область медицины, в рамках которой изучается, как социальные факторы влияют на состояние здоровья общества и его отдельных групп, а также разрабатываются научно-обоснованные рекомендации по устранению вредных для здоровья факторов. Стигматизация по отношению к здоровью формирует «бракованные идентичности» (стигмы особенностей развития, медикаментозных зависимостей, орфанных и социально значимых заболеваний). Стигма по отношению к здоровью может негативно влиять на качество медицинской помощи, приводить к отказам от обращения за медицинской помощью, формировать социальные дистанции и критическое отношение носителей стигмы к стигматизирующему обществу. Особую остроту актуальность подобных иссле-

дований приобретает в период массовых эпидемий, как, например, во время пандемии COVID-19.

В социально-философских исследованиях комплексно изучают закономерности проявлений и последствий социальной стигматизации в обществе. Данное направление выявляет ее амбивалентный характер.

При социологических исследованиях стигматизационных процессов в первую очередь обращают внимание на десоциализирующее свойство стигматизации, которое мешает нормальной социализации личности и нарушает механизм ее социальной идентификации [Стигматизация и ее проявления... 2020].

Стигматизация нередко приводит к дискриминации, то есть к реальным действиям, ограничивающим права определенной группы. Например, люди, которые приезжают в столицу из провинции, получают ярлыки «провинциалы» или «понаехавшие». Считается, что они менее культурны, чем местные жители, что можно считать стигматизацией, ведущей к дискриминации. В цивилизованных странах явная стигматизация и связанная с ней дискриминация обычно запрещены законом либо осуждаются в духовной культуре общества, однако практически любое общество насыщено подобными стигмами [Лухальская 2010, 177].

Вместе с тем изучение феномена стигматизации нуждается в междисциплинарном подходе в силу своей многоаспектности. Оно позволяет, во-первых, раскрыть истинные причины формирования данного явления (зачастую скрытые от внимания отдельных направлений исследования); во-вторых, более комплексно и всесторонне описать его; в-третьих, более адекватно объяснить тенденции его развития; в-четвертых, выработать способы противодействия наиболее негативным, деструктивным формам стигматизации.

Природа русофобии

Основная гипотеза исследования состоит в том, что современная русофобия (негативное отношение ко всему русскому) представляет собой крайнюю форму стигматизации и препятствует интеграции россиян в мировое социокультурное пространство. Агрессивные же формы русофобии представляют собой реальную угрозу для России. Более того, на Западе официальная государственная поддержка безудержной русофобии (что в настоящее время стало своеобразной нормой) во многом идет вразрез с подлинными интересами населения этих стран и деструктивно влияет на западное массовое сознание.

Ученые понимают русофобию как негативное отношение к русскому этносу, государственности, истории, культуре и любому другому элементу Русского мира, которое исторически сложилось в странах коллективного Запада. Сегодня ее используют как инструмент западной пропаганды и информационной войны против нашей страны [Журавлева, Зарубина, Ручкин 2020].

Природа русофобии, как и любой другой фобии, коренится в страхе. Следует отметить, что состояние страха не стоит рассматривать как нечто неестественное, излишнее, унижающее или позорящее того, кто его испытывает. Данное чувство вполне нормально – оно возникает у человека при прямом столкновении с любой опасностью. Для того чтобы преодолеть его, человек должен принять волевое решение, совершить определенные сознательные действия, поступки, с помощью которых он постепенно сможет справиться с охватившими его негативными эмоциями. В отличие от страха, фобия представляет собой расстройство специфического характера, которое характеризуется тревожностью, беспокойством и неконтролируемыми негативными переживаниями. Фобические состояния, как правило, провоцируют панику, что усиливает, развивает и закрепляет их протекание. Попытки преодолеть их не приносят позитивного результата.

Русофобия – специфическая экзистенциальная фобия. Ее носитель боится утратить свою собственную идентичность, ужасается собственной никчемности, переживает собственную ничтожность, страшится быть поработленным. Он панически боится за собственную жизнь, его гложет тревога персонального (субъектного) исчезновения. Тем не менее, он никогда никому не признается в этой экзистенциальной драме – даже самому себе. Чтобы преодолеть или минимизировать эти навязчивые неадекватные состояния, носитель осуществляет ментальную транспозицию: «не я плохой (больной), а они (все) плохие (больные); я – велик, они – ничтожны». В русской культуре есть ряд характерных пословиц, образно описывающих такую ситуацию: «валить с больной головы на здоровую»; «на воре и шапка горит»; «гордость пучит, скромность учит»; «не смейся, горох, над бобами: будешь и ты под ногами»; «не гляди высоко, запорошишь око» и пр.

У русофобов русская культура (русская цивилизация) вызывает страх подчинения, подавления, а также боязнь за собственную жизнь (сытую, спокойную, размеренную, комфортную) – которая, как правило, и возможна за счет других людей, стран, государств, народов. Такой страх можно считать боязнью исторической справедливости, страхом возмездия.

С.Г. Кара-Мурза подчеркивает, что русофобия прочно укоренена в европейском сознании и имеет многовековую историю: «Это большая идеологическая концепция, составная часть евроцентризма – лежащей в основе западного мировоззрения доктрины, согласно которой в мире имеется одна цивилизация – Запад (не в географическом, а в культурном смысле)» [Кара-Мурза 2015].

Проявления русофобии в настоящее время чрезвычайно разнообразны: они охватывают, по сути, все сферы общественных отношений, включая бытовой уровень, спорт, культуру, инвестиционную область экономики и пр. Русофобия качественно и количественно распространилась в период формирования и эскалации украинского кризиса [Хмелевский 2017].

Директор швейцарского образовательного центра ISSAL М. Фрайбургхаус отказался взять на работу квалифицированного преподавателя из России из-за того, что женщина – русская. В интервью каналу La Télé он заявил: «Это наш метод, наш единственный способ выступить против политики России на Украине. Речь идет о санкциях, а тот факт, что под удар попадают и ни в чем не виноватые люди, – обычное для санкций дело. Я не пытаюсь никого подвергать дискриминации – кроме политики России. Но, видите ли, поскольку расплачивается именно эта женщина, значит, дискриминации подвергается конкретно она, а не Россия... Понятно, что если я стану отказывать всем кандидатам на вакансию преподавателя из стран, которые ведут несправедливую политику и неправильно реагируют на провокации, вести дела будет сложно. Ведь и США, и Британия, и Франция не всегда ведут абсолютно правильную и справедливую политику. Но я убежден – и подтверждение тому – мое присутствие здесь, – что нужно об этом говорить, нужно как-то реагировать на российскую политику» (цит. по [Хмелевский 2017]).

За последний год проявления русофобии стали массовым явлением. Позитивное отношение ко всему русскому в странах Запада теперь, скорее, стало исключением из правил.

В числе первых «пострадавших» от русофобии стали российские деятели искусств – певица А. Нетребко, дирижер В. Гергиев, пианист Д. Мацуев и др. В первые же дни после начала СВО с ними отказались работать зарубежные концертные площадки и ведущие мировые театры. Следующими стали российские спортсмены, к которым в последние годы международные спортивные организации и так относились предвзято. С февраля 2022 г. их частично перестали допускать к международным соревнованиям. Обязательным условием для их участия выступает отказ от национальной символики (герб, флаг,

гимн). От атлетов требуют публично осудить политику России, выступить с критикой политического руководства своей страны.

Сложно представить, сколько людей с российским гражданством или корнями подверглись разного рода дискриминации в течение последнего года: российских студентов за рубежом исключали из университетов только на том основании, что они являются гражданами России; огромное количество лиц с двойным гражданством после начала спецоперации ограничили в ряде прав (арест банковских счетов, увольнение с работы и т. п.); торговые организации, заведения общепита и бытовых услуг начали отказывать в продаже товаров и предоставлении услуг лицам, говорящим на русском языке или обладающим иными признаками принадлежности к России.

Следует отметить, что наиболее характерный признак фобии (фобически большого сознания) – стремление избегать контактов с объектом фобии. В ситуации, когда это невозможно, носитель фобии стремится вытеснить из сознания предмет страха, исключить его из собственного духовного опыта. Данная особенность проявляется не только на индивидуальном, но и на коллективном, социально-историческом уровне. Такие практики использовали еще на заре человеческой цивилизации. Например, в Древнем Египте новые фараоны в прямом и переносном смысле стирали (скальвали) упоминания о прежних неугодных властителях на всех доступных местах (гробницах, стелах и т. п.). Впрочем, подобные инициативы не заканчивались, встречаясь на протяжении всей последующей человеческой истории в самых различных цивилизациях.

Поскольку подобная стигматизация влияет на формирование дискриминационного отношения к целому народу, стране и ее культуре, можно утверждать, что русофобия выступает крайней формой социальной стигматизации. Соответственно, необходимо выяснить причины повсеместного распространения русофобских настроений.

Детерминанты русофобии

В начале анализа следует установить хронологические рамки формирования тех или иных причинных детерминант. Как известно, чтобы явление приняло свой завершённый вид, необходимо определенное время. Своеобразным «лагом» в этом случае выступает некий временной отрезок (несколько лет, десятилетие, век, столетия, тысяча лет). Та или иная хронологическая единица сама по себе не имеет собственного значения – исследователь использует ее, чтобы указать на «историческую глубину» самого исследуемого феномена. Можно выделить несколько хронологически разноресных детерминант формирования русофобии: архаичные, древние, традиционные, новые, новейшие и современные.

Архаичные детерминанты исходят из глубины веков – процессов глобального переселения многих племен и народов, масштабных цивилизационных трансформаций, перманентного противостояния различных культур и вероисповеданий. Конфликтное противоборство народов на историческом ландшафте Евразии отразилось в народной памяти в виде мифов, легенд, сказок, пословиц. В плавильном тигле культурообразования формировались основные архетипы народного самосознания. Необъятный арсенал народной памяти служит основанием для гордости, восхваления, почитания своих богов, героев, лидеров. Данная тенденция понятна – логично считать свой народ, свою страну, свое Отечество достойным примером. Пытаясь изменить свое настоящее в надежде построить лучшее будущее имеет смысл обращаться к «образцовому опыту» прошлых поколений, искать у предков поддержки и одобрения. Однако неверно превращать это благое желание в оправдание любых ошибок и заблуждений, имевших место в истории. «И что ты смотришь на сучок в глазе брата своего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?» (Мф. 7:3).

Преступно использовать неизбежные разногласия, конфликты и противоречия, которые сложились между народами на протяжении истории их сосуществования, как некое основание для отрицания, подавления и истребления «других». Однако именно на этой почве сегодня активно взращивают ненависть ко всему русскому (языку, культуре, истории).

Древние детерминанты русофобии зародились в период становления русского государства, в историческом противостоянии русских княжеств окружающим их племенным, предгосударственным и государственным образованиям (западным и восточным), которые претендовали на славянские земли. Жесткое противоборство с этими образованиями естественным образом сопровождалось формированием унизительно-отрицательного образа своих врагов (данная особенность характерна для соответствующих процессов и в других регионах). Прямое оскорбление и публичное уничижение врагов (противников) считалось чуть ли не геройством. Важно также то, что становление русского централизованного государства проходило в период острейших междоусобиц, что во многом спровоцировало негативную самооценку русского народа. Последовавший мировоззренческий раскол наглядно выражен в народных пословицах: с одной стороны, «до Бога высоко, до царя – далеко, нам просить о помощи некого», «на Бога надейся, а сам не плошай», с другой стороны – «Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится»; с одной стороны, «что ни дается, все к лучшему», «чему быть, того не миновать», а с другой стороны, «не верь судьбе: спасение в борьбе», «на авось посеешь – после сам пожалеешь»; с одной стороны, «хоть церковь близко, да ходить склизко; а кабак далеконоько, да хожу потихоньку», а с другой стороны, «даст Бог день, даст Бог и пищу». В общем, «русский ни с мечом, ни с калачом не шутит».

Традиционные детерминанты русофобии тесно связаны с процессом принятия православия на Руси. Нет нужды описывать долгую и противоречивую историю распространения православия на территории нашей страны и освещать глубинные основания православной веры. Следует отметить следующее: 1) православие – самое масштабное из традиционных религиозных вероисповеданий (в том числе и среди христианских конфессий) на территории России; 2) содержание православной веры исключает принципы насилия, жестокости, подавления иноверцев; 3) православная церковь имеет богатый опыт духовного сотрудничества с различными религиозными конфессиями – как общемирового, так и национально-народного уровня; 4) историческое развитие православия возможно только на основе сохранения и укрепления традиционных ценностей («все под одним Богом ходим, хоть и не в одного веруем»). Именно перечисленные обстоятельства вызывают раздражение русофобов.

Новые детерминанты русофобии сложились после октября 1917 г. В результате Великой Октябрьской социалистической революции появилась новая политическая реальность – Советская Россия, а затем и СССР. Успехи Советского Союза в государственно-политическом строительстве, формировании социально-экономических отношений, развитии институтов образования и науки, достижения в области культуры и искусства, и, конечно, создание боеспособных армии и флота пугали предтечей современного коллективного Запада. Можно предположить, что в период социализма у коллективного Запада возникла устойчивая фобия ко всему советскому («СССР – империя зла»), метастазические импульсы которой сегодня во многом питают и современную русофобию.

Новейшие детерминанты сформировались после развала (распада) СССР. Цивилизационная катастрофа 1990-х гг., помимо прочего, вызвала два следствия: 1) на пространстве бывшего СССР произошел слом традиционных (для носителей «советский культуры») ценностей, что стало мировоззренческой драмой для нескольких поколений, которая до конца не изжита и по сей день; 2) для «внешних наблюдателей» данное событие стало

поводом для исторического реванша над «русским медведем». Каждый гражданин России, кто жил в ту драматическую эпоху, на себе испытал трагедию великой страны.

Современные детерминанты начали складываться в первое десятилетие XXI в. и к настоящему времени оформились в своем классическом варианте. Современная русофобия стала масштабной, открытой, агрессивной и вульгарной. Она превратилась в инструмент официальной политики для многих государственно-властных структур в зарубежных странах. Коллективный Запад за всю историю своих взаимоотношений с Россией сталкивался с множеством стрессовых ситуаций (войны, революции), которые стали неотъемлемым компонентом «западного социогенетического кода». Тревоги из прошлого переносятся в современность: страх победы коммунизма трансформируется в ужас перед Россией, Русским миром. Без долгой и кропотливой работы по преодолению или минимизации фобических состояний невозможно даже начать процесс оздоровления. Сама по себе болезнь не исчезнет и может принять более тяжелые хронические формы, которые приведут к разбалансировке, а в конечном итоге – к гибели всего социально-культурного организма.

Следует подчеркнуть, что описанные выше хронологические детерминанты формирования русофобии выступают рабочей объяснительной схемой, которая не претендует на методологическое обоснование их онтологического статуса.

Социальная обусловленность русофобии

На активизацию русофобии влияют три основных фактора: политический, социально-экономический и национально-этнический.

Политическим фактором в развитии современной русофобии выступает зависимость многих государств (стран) от политического режима в США. Вашингтон использует это обстоятельство как средство прямого принуждения политических лидеров, чтобы поддерживать антироссийскую политику на международной арене. В случае непринятия диктата США (например, политический лидер, руководствуясь интересами народа своей страны, выступает с собственными заявлениями по международной повестке) политическое руководство соответствующей независимой страны подвергают агрессивной стигматизации (обвиняют в русофилии). В такой ситуации лидеры суверенного государства рискуют, в лучшем случае, тем, что кардинально изменится их политический статус в негативную сторону (внутренняя оппозиция, поддерживаемая соответствующими внешними силами, будет активно способствовать этому процессу). В худшем случае они могут исчезнуть с политической арены. Более того, если угрозу политическому диктату США представляет определенная страна, то разрушению может быть подвергнута она сама как субъект международной политики. В данном контексте показательно высказывание известного американского ученого и публициста Н. Хомского: «Если выражаться юридическими терминами, то я считаю, что после Второй мировой войны были основания подвергнуть импичменту всех американских президентов либо как форменных военных преступников, либо как соучастников серьезных военных преступлений» (цит. по: [Лухальская 2010, 33]).

С социально-экономической точки зрения, русофобия представляет собой эффективный инструмент продвижения Западом своих товаров, захвата выгодных рынков сбыта, дестабилизации экономических связей. Более того, современная русофобия приобретает крайние формы, которые выражаются в отъеме или уничтожении чужой собственности (в качестве примера можно привести взрывы на нитках нефтепровода «Северный поток»), присвоении чужих финансовых и иных ресурсов. Стратегия современных политтехноло-

гов – создать образ врага, который стремится подчинить своим зловещим планам наивное население той или иной страны.

Н. Хомский в своей статье «Главные цели внешней политики США» заявляет: «США хотят “стабильности”, подразумевая безопасность для “высших слоев общества и крупных иностранных предприятий”. Если этого можно добиться способами формальной демократии – пусть так и будет; но если нет, то “угроза стабильности”, каковой является добрый пример, должна быть уничтожена, прежде чем вирус заразит других» [Хомский 2014].

Институционализированную русофобию используют как основу для официальных (государственных) социальных проектов коллективного Запада, цель которых – удерживать и укреплять свое гео-политико-экономическое доминирование.

Национально-этнические факторы формирования русофобии – как, впрочем, и других национальных фобий (синофобия, антисемитизм, индусофобия, арабофобия и пр.) – связаны с двумя, на первый взгляд, противоречивыми идеологическими установками. Тем не менее, они имеют общую ментальную природу – переживание собственной никчемности, ничтожности, страх личного (субъектного) исчезновения.

Первая из таких установок – идея исключительности, избранности того или иного народа. Она требует прямого указания на других людей («нелюдей»): тех, кто мешает, подавляет, ограничивает развитие «исключительности». Таких «врагов» не только дозволительно, но и нужно использовать во благо собственного народа-племени. В ситуации, когда это невозможно, их следует истребить. Современная русофобия отличается своей «национально-предметной направленностью»: через нее формируется некое «национальное единение» против общего врага. Данную русофобию можно назвать «имманентной» («национально-имманентной»). В своих «аргументах» (явных или скрытых) она восхваляет некий аутентичный «народный дух», «высшее национальное самосознание» – другими словами, она опирается на собственно-национальные (народные) ресурсы.

Русофобия питается также идеей наднациональной идентичности: приоритета глобального над локальным, всеобщего над единичным. В подобном случае она выступает инструментом формирования «общечеловеческого единения» против того же коварного врага. Данный вид русофобии можно назвать «трансцендентным» («национально-трансцендентным»), так как он опирается на аксиому фундаментального единства всех людей: национально-этнические характеристики считаются «отжившими», атавистическими признаками. Другими словами, в этом варианте русофобия ищет поддержку и самооправдание в том, что лежит за горизонтом национальной идентичности.

Инструментами насаждения идеологии космополитизма выступают отказ от традиционных национально-этнических ценностей, забвение историко-культурного, религиозно-конфессионального, духовного опыта своего народа, исключение (или даже прямой запрет) родного языка из практики повседневного общения. Геополитические и экономические интересы конкретных государств и транснациональных корпораций скрываются за мировоззренческой привлекательностью общечеловеческих ценностей (которые представители этого «плоского космополитизма» не только превратно трактуют, но и агрессивно навязывают другим), за мифологемой всепланетарного (глобального) единства, социально-экономическими калькуляциями мир-системного анализа, а также догматикой приоритета международного права. Идеология наднациональной идентичности сначала приводит к диффузной идентичности, а впоследствии – к формированию устойчивых «национальных фобий». Индивиды, которые отстаивают свои национальные интересы и не хотят превратиться в «Иванов, родства непомнящих», становятся «законными целями» для русофобских атак.

Русский народ, как цивилизационно-образующий этнос, обладает богатым историческим опытом и огромным национальным потенциалом развития. Данные характеристики обеспечены не в ущерб другим народам, населяющим Россию. Наоборот, они были приняты в «национально-этническое поле» России в рамках установки на поддержку и сотрудничество. Во внутренней и внешней политике Россия во главу угла ставит гармоничное многонациональное единство, мирное сосуществование и совместные усилия, чтобы сохранять и развивать поликультурное многообразие. Именно это обстоятельство и служит источником ненависти и страха для русофобов.

Тенденции развития русофобии

В дальнейшем русофобия будет развиваться в соответствии с вышеуказанными факторами: политическим, социально-экономическим, национально-этническим. Динамика тенденций развития имеет два аспекта: темпорально-хронологический (время) и регионально-топологический (место).

Во временной динамике наиболее быстро затухающей можно считать социально-экономическую тенденцию, а наиболее долговременной – национально-этническую.

Политическая тенденция усиливает или ослабляет прочие тенденции, не меняя их сути и направления. Стратегия экономического развития за счет других (колониализм, расизм, апартеид, санкционизм и пр.) с неизбежностью терпит фиаско. Социально-экономическая структура современных обществ не способна эффективно функционировать и прогрессивно развиваться без постоянных, долговременных, взаимовыгодных контактов. В современном мире наиболее выгодно и перспективно выстраивать социально-экономическое взаимодействие на основе концепции многополярного мира. Любые искусственно создаваемые препятствия (в том числе русофобия) способны только замедлить, но не остановить социально-экономическое сотрудничество.

Сама логика развития современных производственных технологий, как и функционирование институтов социального управления, объективно требует преодолевать различные предубеждения и фобии. Конечно, в обществе помимо формализованных, рациональных и институционально упорядоченных социально-экономических структур существуют и недифференцированные, иррациональные, антиструктурные, неформализуемые аспекты социального взаимодействия. При благоприятных условиях они могут играть ведущую роль в социальных процессах, приобретать пусть и иллюзорную, но весьма высокую (экзистенциальную) ценность. Один из таких аспектов и есть русофобия, которая, по сути, представляет собой мифологему, которую коллективный Запад навязывает всему миру.

Наиболее долговременной можно считать национально-этническую тенденцию, которая может усиливаться с течением времени. Причина заключается в том, что она связана с глубинной исторической памятью народов: образами, интуициями, эмоциональными переживаниями, всем комплексом ментальных состояний, которые вошли «в плоть и кровь» народа, стали его «национальной душой». Когда внешние (или внутренние) манипуляторы, используя иллюзии обыденного сознания, настойчиво поддерживают неизжитые страхи и провоцируют мрачные переживания людей, ксенофобские состояния могут обостриться, а в дальнейшем перейти в хроническую стадию. В нынешней ситуации можно наблюдать именно этот процесс. Однако подлинные лидеры никогда не признавали исключительные права и свободы только за собственным народом. Они, как истинные патриоты, смотрели выше и дальше обывательских стереотипов. Перефразируя Ф. Энгельса, можно сказать, что не может быть счастлив тот народ, который унижает другие народы.

Второй аспект (регионально-топологический) раскрывает особенности распространения русофобии в ее пространственных характеристиках. В данном измерении русофобия распространяется неравномерно. Предварительный анализ показывает, что наиболее агрессивно русофобия представлена в тех странах, которые в своих политических и социально-экономических интересах следуют в фарватере геополитики США. Следует отметить, что степень агрессивности напрямую не связана с географической близостью или удаленностью стран-носителей русофобии от государственных границ России.

Помимо США, наиболее концентрированно русофобия проявляется в Великобритании, в странах континентальной Европы (Германия, Франция, Польша, Чехия) и Прибалтики. Перечисленные государства проводят последовательную враждебную политику по отношению к нашей стране. Они усложняют выдачу виз российским гражданам и экспорт/импорт продукции, препятствуют свободе финансовых потоков (отключение российских банков от SWIFT), конфискуют находящееся за границей имущество россиян, аннулируют визы и т. д. Русофобию эффективно используют на территории Украины как инструмент манипулирования сознанием, что иногда принимает античеловеческие формы.

В Восточно-Азиатском регионе накал русофобии менее значителен. Тем не менее, некоторые страны региона используют ее как новый инструмент достижения своих старых целей. В частности, Япония усиливает свои претензии к России, требуя передачи ей Южно-Курильских островов.

Необходимо отметить, что руководство России реагирует на сложившееся положение дел. Так, если в 2018 г. в список недружественных стран были включены две страны (Чехия и США), то после начала СВО (в феврале 2022 г.) недружественными были признаны уже 48 государств. Причем, как отмечает пресс-служба российского правительства, перечень не носит закрытый характер и может меняться с учетом текущей международной ситуации.

Способы преодоления русофобии

Способы преодоления русофобии напрямую связаны с ее причинами, основными факторами и тенденциями развития.

Политические инструменты противодействия русофобии сравнимы с хирургическим вмешательством, которое не устраняет причины болезни, а облегчает состояние пациента. Безусловно, нельзя отказываться от богатого арсенала и возможностей политических институтов. Следует наращивать дипломатические отношения с дружественными для нашей страны близкими соседями (Белоруссия, Абхазия, Монголия, Китай). Требуется выстраивать взаимное сотрудничество с новыми партнерами не только в относительно ближнем зарубежье (Иран, Индия, Саудовская Аравия), но и с более отдаленными странами (Бразилия, Венесуэла, Никарагуа, Куба, Таиланд). Значимым потенциалом в этом отношении обладают многие страны африканского континента (Алжир, Кения, Мозамбик, Египет).

Социально-экономические механизмы противодействия русофобии аналогичны медикаментозному лечению, их задача – купировать фобические состояния. Не следует останавливать, прекращать или консервировать социально-экономические связи с другими государствами. Бесперспективно также использовать стратегию изоляционизма. Следует переориентировать или даже создать новые потоки движения товаров, услуг, технологий, капиталов, человеческих ресурсов и знаний (на примере практики развития ЕАЭС, БРИКС, ШОС).

Национально-этнические способы противодействия русофобии имеют скорее терапевтическую цель и требуют постоянного внимания, неуклонной поддержки, профессиональных усилий со стороны не только специалистов, но и широкой общественности. Немаловажно и то, что преодолеть русофобию невозможно без глубоких изменений в мировоззренческих устоях, без масштабных духовных преобразований, нравственной ревизии ценностных установок, а также без честного и открытого общественного диалога.

Общество, которое на протяжении долгого времени поражено различными фобиями, представляет собой идеальный объект для всевозможных манипуляций (ментальных, идеологических, религиозных и др.). Конечные цели самих манипуляторов вполне прозаичны – устранить возможных конкурентов, доминировать над соперниками, установить собственное господство.

Процесс изживания русофобии несет определенные риски и переживания для ее носителей. Например, с целью позитивной сенсорно/когнитивной коррекции ментальной сферы к носителям фобии можно применять т. н. экспозицию (т. е. прямой контакт носителя фобии с объектом его страха). Такой прием подобен погружению в состояние катарсиса. Именно катарсические переживания способны инициировать душевное пробуждение человека. Еще Аристотель утверждал в своей «Поэтике», что цель истинной трагедии (которую зрители-участники всегда мучительно переживают) состоит в очищении души от страха посредством страданий. «Трагедия есть подражание действию важному и законченному... и совершающееся посредством сострадания и страха очищение (katharsis) подобных страстей», – писал он [Аристотель 1983]. Данный принцип можно проиллюстрировать русской поговоркой «клин клином вышибают».

Перечисленные инструменты должны применяться комплексно, в качестве взаимосвязанных компонентов единой стратегии противоборства русофобии. Самое важное в этом процессе – не просто снимать внешние признаки (симптомы, проявления) фобических состояний, а воздействовать на саму ее сущность – паническое состояние страха, боязнь Чужого (Чужих), ужас собственной ничтожности. Такое состояние сегодня можно считать «духовной пандемией» для коллективного Запада. Продолжая медицинскую аллегория, можно сказать, что последний нуждается в «прививке» от русофобии.

Выводы

По результатам исследования можно сделать несколько обобщающих выводов.

Во-первых, русофобия представляет собой некую экзистенциальную фобию, носитель которой, по сути, боится утратить собственную идентичность.

Во-вторых, этот страх инициирует стигматизационные процессы, которые направлены на «отмену» русской культуры.

В-третьих, причины и факторы, которые определяют распространение русофобии, указывают на ее временный характер.

Можно утверждать, что достижения русской культуры и цивилизации невозможно уничтожить политическими решениями руководства государств, насколько бы они ни были могущественными. Мировое сообщество, для которого духовные ценности важнее принципов общества потребления, сможет противостоять распространению русофобии как крайней формы социальной стигматизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аристотель (1983) Сочинения. В 4-х т. Т. 4. Пер. с древнегреч.: А.И. Доватур. М.: Мысль. 830 с.
Aristotel' (1983) *Sochineniya. V 4-h t* [Works: In 4 Vols]. Vol. 4. Translation from the Ancient Greek: A.I. Dovatur. Moscow: Mysl'. 830 p. (In Russ.)
- Бовина И.Б., Бовин Б.Г. (2013) Стигматизация: социально-психологические аспекты (Часть 1) // Психология и право. Т. 3. № 3. (https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63778_full.shtml)
- Bovina I.B., Bovin B.G. (2013) Stigmatizatsiya: sotsial'no-psikhologicheskiye aspekty (Chast' 1) [Stigmatization: Socio-Psychological Aspects (Part 1)]. *Psikhologiya i pravo*. vol. 3, no. 3. (https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63778_full.shtml) (In Russ.)
- Власова О.А. (2011) Социология человека Ирвинга Гофмана: личность как сопротивление социальному в теориях стигматизации и тотальных институций // Социологический журнал. № 4. С. 5–19.
- Vlasova O.A. (2011) Sotsiologiya cheloveka Irvinga Gofmana: lichnost' kak soprotivleniye sotsial'nomu v teoriyakh stigmatizatsii i total'nykh institutsiy [Human Sociology by Irving Hoffmann: Personality as Resistance to the Social in the Theories of Stigmatization and Total Institutions]. *Sotsiologicheskij zhurnal*. no. 4, pp. 5–19. (In Russ.)
- Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В. (2022) Современная русофобия: ментальные истоки // Образование и право. № 8. С. 146–153.
- Zhuravleva L.A., Zarubina Ye.V., Ruchkin A.V. (2022) Sovremennaya rusofobiya: mental'nyye istoki [Modern Russophobia: Mental Origins]. *Obrazovaniye i pravo*. no. 8, pp. 146–153. (In Russ.)
- Кара-Мурза С.Г. (2015) Русофобия Запада // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 1. № 8. С. 6–14.
- Kara-Murza S.G. (2015) Rusofobiya Zapada [Russophobia of the West]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. vol. 1, no. 8, pp. 6–14. (In Russ.)
- Пухальская Т.Н. (2010) Сущность стигматизации // В: Психологическая студия: сб. науч. тр. Ред.: С.Л. Богомаз, В.П. Волчок. Витебск. С. 175–178.
- Pukhal'skaya T.N. (2010) Sushchnost' stigmatizatsii [The Essence of Stigmatization]. In: *Psikhologicheskaya studiya: sb. nauch. tr.* Ed(s): S.L. Bogomaz, V.P. Volchok. Vitebsk. Pp. 175–178. (In Russ.)
- Стигматизация и ее проявления в современном обществе: коллективная монография (2020) Ред.: С.Е. Туркулец. М.: Изд-во Научный консультант. 191 с.
- Stigmatizatsiya i yeye proyavleniya v sovremennom obshchestve: kollektivnaya monografiya* [Stigmatization and its Manifestations in Modern Society: Collective Monograph] (2020) Ed(s): S.Ye. Turkulets. Moscow: Izd-vo Nauchnyy konsul'tant. 191 p. (In Russ.)
- Франкл В. (1990) Человек в поисках смысла. М.: Прогресс. 368 с.
- Frankl V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in Search of Meaning]. Moscow: Progress. 368 p. (In Russ.)
- Хмелевский С.В. (2017) Феномен русофобии: социально-философский анализ // Социально-политические науки. № 2. С. 54–59.
- Khmelevskiy S.V. (2017) Fenomen rusofobii: sotsial'no-filosofskiy analiz [The Phenomenon of Russophobia: Socio-Philosophical Analysis]. *Sotsial'no-politicheskkiye nauki*. no. 2, pp. 54–59. (In Russ.)
- Хомский Н. (2014) Как устроен мир. М.: АСТ. 448 с.
- Khomskiy N. (2014) *Kak ustroyen mir* [How the World Works]. Moscow: AST. 448 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Туркулец Алексей Владимирович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Дальневосточного государственного университета путей сообщения. Адрес: 680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47. E-mail: tual63@mail.ru

Туркулец Светлана Евгеньевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Дальневосточного государственного университета путей сообщения. Адрес: 680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47. E-mail: turswet@rambler.ru

About the authors

Aleksey V. Turkuletc, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Far Eastern State Transport University. Address: 680021, Russia, Khabarovsk, Serysheva St., 47. E-mail: tual63@mail.ru

Svetlana E. Turkulets, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Far Eastern State Transport University. Address: 680021, Russia, Khabarovsk, Serysheva St., 47. E-mail: turswet@rambler.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 18.04.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 09.05.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 06.06.2023